

Глава I

В этом году весна никак не хотела вступать в свои права. То один циклон, то другой не давал москвичам снять с себя теплые одежды. Но ближе к середине мая установилась по-летнему жаркая погода. И, как бы в благодарность долгожданному теплу, природа щедро делилась разнообразием звуков, красок и запахов. Чтобы насладиться этой красотой, не обязательно было уезжать за город. В Москве даже в центре помимо парков можно найти не тронутые архитектурой оазисы. Один из них находится в Сокольниках. Только не около метро, где панельные многоэтажки сменяются бетонными и стеклянными архитектурными изысками, на фоне которых теряется такой красивый и памятный каждому москвичу вход на самую первую ветку московского метрополитена. Место, о котором пойдет речь, знают не многие, так как оно находится в стороне от центрального входа в парк Сокольники, а точнее, со стороны входа на майский просек, между Богородским шоссе и Большой Оленьей улицей. Когда-то здесь кипела жизнь. Среди дубов и кленов стояли двухэтажные деревянные домики с садами и палисадниками. Между трамвайными остановками «Ул. Короленко» и «Майский просек» в красивом бревенчатом здании с верандой находился однодневный Дом отдыха. До революции здесь располагался ресторан «Олень»,

расцветом которого были 20-30-е годы прошлого столетия. Этот ресторан считался очень популярным у московской богемы. Своей популярности это здание не потеряло и в советское время, став однодневным Домом отдыха, так как располагалось в очень красивом месте на пруду с мостиком, и окна его выходили на пляж. Летом на пляже было полно народу до самого позднего вечера. При входе стоял ларек с пивом и солеными сушками. Напротив пляжа находилась спортивная база Министерства внешней торговли. Но главной достопримечательностью этих мест был пруд с островком, на котором стоял величавый дуб. В праздничные дни место перед прудом огораживалось, приезжала спецтехника для проведения праздничного салюта. Все местные жители подтягивались сюда и с трепетом наблюдали, как из машины с грохотом выскакивали залпы фейерверков. От шума закладывало уши, но всех переполняла радость.

В 70-х годах людей стали переселять на окраины Москвы в спальные районы. Дома снесли, базу закрыли. Однодневный Дом отдыха сгорел. Все заросло деревьями, среди которых одиноко возвышается пятиэтажное кирпичное здание бывшей школы № 387, куда когда-то ходила многочисленная местная детвора. А сейчас кругом какая-то жуткая тишина, которую изредка прерывают проходящие мимо трамваи. Ничего не осталось здесь от прежней жизни, и лишь пруд с островком несет в себе память и тайны прошлого.

Именно сюда уже несколько дней подряд приезжал Никита Ларионов, чтобы написать картину в подарок

своему лучшему другу Олегу. Никита, худощавый молодой человек двадцати лет, немного выше среднего роста, был художником, вернее, хотел стать настоящим художником, поэтому учился в Суриковском училище. Он долго выбирал место для написания пейзажа. Сокольники ему всегда нравились, и не только ему. В разные годы здесь любили проводить время такие выдающиеся живописцы, как Иван Шишкин, Алексей Саврасов, Исаак Левитан. Но Никита не хотел повторять того, что было написано раньше, поэтому искал какое-нибудь необычное место для своего творчества.

Он долго бродил по безлюдным аллеям парка, по лучевым просекам, пока не вышел к этому Оленьему пруду, который одни называли Верхним Оленьим прудом, другие Средним Оленьим прудом. Никита как замороженный смотрел на чудо природы. Это было похоже на сказку. Зеркальная вода отображала деревья, стоящие на берегу. На острове, раскинув могучие ветви, возвышался величавый дуб в окружении молодых березок. «Вот то, что мне нужно», – решил Никита и приступил к работе.



Глава II

Никита родился и вырос в Москве в очень дружной семье. Его мама была провизором, а папа – травматологом. Родители познакомились в институте, несколько лет встречались, а когда закончили учебу, поженились. Через год родился Никита, который с первых дней был окружен заботой и вниманием. Малыша баловали, особенно отец, всегда мечтавший о сыне. А чтобы Никита рос здоровым ребенком, его с раннего детства приобщали к спорту. Зимой они всей семьей ходили на лыжах, летом старались выбраться на море, где отец учил Никиту плавать. Но, несмотря на то, что мальчик был активным, любил спорт и подвижные игры, родители все чаще замечали его с карандашом в руке. Никита рисовал везде: на клочках бумаги, в альбоме, на обоях. Когда родители читали ему сказку, он пытался изобразить героев этой сказки, какими их представлял. Конечно, это были детские рисунки, наивные и немного смешные. Но шло время, и рука становилась увереннее, глаз острее, изображаемые предметы обрели цвет и тень. Родители все больше поражались, откуда у мальчика такие способности. Было ясно, что в медицину он не пойдет и продолжать семейную династию не будет, и тогда сына отдали в художественную школу.

Учился Никита легко и с удовольствием. Кумиров себе не создавал, но преклонялся перед талантом

гения. Уважал людей, умеющих делать то, на что многие не способны. Любил музыку, книги, спорт. Среди художников выделял мастеров итальянской школы эпохи Возрождения. Изучал их биографии и все больше и больше поражался многогранности их таланта. Например, Микеланджело Буонарроти был еще скульптором, архитектором, поэтом и мыслителем; Рафаэль Санти – графиком и архитектором; Джорджоне обладал великолепным голосом и вкусом, играл на нескольких музыкальных инструментах. Но больше всего Никита был очарован Леонардо да Винчи, гений которого блистал не только в живописи, но и в науке, скульптуре, архитектуре и изобретательстве.

Знакомясь с искусством великих мастеров, Никита понял: чтобы стать хорошим художником, нужно изучать не только технику изобразительного искусства, но и математику, анатомию, физику, химию. Поэтому родители хлопот с ним не имели, сын всегда был прилежен, аккуратен, всегда выполнял домашние задания.

Вот так легко, весело, интересно протекала жизнь Никиты. В будни днем школа, вечером во дворе с ребятами футбол. В выходные с родителями походы в кино, театр, цирк или поездки за город. Но в один день, когда Никите было 14 лет, все рухнуло. Отец ушел в другую семью. Для молодого человека с совсем еще не окрепшей психикой это стало тяжелейшим ударом, перевернувшим все в его сознании. Все, чем он так дорожил, чем гордился, во что верил, превращалось в прах. Никита не мог понять, как же отец, так горячо любивший его и маму, смог променять их на